

Хо Фэнле никогда не заглядывался на мужчин. Когда-то, услышав, что некий благородный муж изъявил желание взять его в супруги, он почувствовал лишь глубокое отвращение. То, что сейчас он набросился на Лю Чжэньцина, объяснялось просто: остатки разума удерживали его от насилия над незащищенной девой, вот он и выплеснул накопившийся жар на единственного, кто подвернулся под руку. К счастью, в окуренной благовониями комнате генерал пробыл недолго. Задержись он там подольше — и яд разгорелся бы в полную силу, доведя его до состояния, когда сгодился бы кто угодно, пусть даже мужчина.

— Успокойся, брат Хо, — взмолился Лю Чжэньцин, упираясь ладонями в его плечи и пытаясь оттолкнуть его голову. Он чувствовал, как отчаянно тот борется с собственным телом, задревеневшим от сдерживаемого вождения.

Чжэньцин уже потянулся за противоядием, но Хо Фэнле вдруг резко отпрянул, вскочил на ноги и бросился к выходу. Стоявшая у двери испуганная бедняжка решила, что опасность теперь грозит ей, и едва не лишилась чувств от страха. Однако в следующий миг генерал вихрем пронесся мимо неё, с грохотом распахнул двери и вылетел наружу.

Встревоженный Лю Чжэньцин поспешил следом. Оказавшись во дворе, он увидел замершего под холодным лунным светом Хо Фэнле. Тот быстро проглотил какое-то лекарство, после чего его тело забило в сильной дрожи — воин из последних сил сдерживал бушующий в крови огонь.

Стоило Чжэньцину сделать шаг навстречу, как раздался резкий, глухой голос:

— Не подходи.

— Брат Хо, постой. У меня же с собой ваше семейное противоядие, — поспешно окликнул его Лю Чжэньцин.

Генерал на мгновение застыл, спина его напряглась.

— Я уже принял снадобье. Всё в порядке.

На самом деле то была не обычная целебная пилюля. Ядовитый дым не просто распалая плотскую страсть, но и будоражил кровь, лишая разума, что неизбежно пробудило бы его старый недуг. Приняв лекарство от давней болезни, Хо Фэнле смог задействовать внутреннюю силу и без труда подавить остатки дурмана.

Лю Чжэньцин облегчённо выдохнул. Девушка, осознав, что худшее позади, окончательно обессилела и опустилась на землю, тихо и горько плача.

Вдруг из комнаты донеслось глухое шевеление — похоже, запертый внутри мужчина под воздействием дурмана снова начал приходить в себя. Лю Чжэньцин бросился обратно. Воспользовавшись тем, что Хо Фэнле остался снаружи, он быстро нащупал пульс бедняги,

сокрушённо вздохнул и достал драгоценную пилюлю стоимостью в сто лянгов. Если не дать ему лекарство сейчас, несчастный просто задохнётся от прилива крови к сердцу.

К тому же Чжэньцин узнал этого человека.

В бытность свою канцлером, когда Лю Чжэньцин безжалостно рубил головы казнокрадам, он пощадил этого чиновника, сочтя его толковым и преданным делу. Позже его даже повысили на службе. Как же так вышло, что он оказался здесь, одурманенный низкопробным зельем? Ответ мог дать только сам пострадавший, когда окончательно придёт в себя.

Позади слышались шаги. Обернувшись, Лю Чжэньцин увидел возвращающегося генерала. Его походка казалась слегка скованной, и хотя он по-прежнему держал спину прямо, а лицо сохраняло суровое выражение, во взгляде сквозило явное замешательство.

С трудом подавив смешок, Чжэньцин с напускным беспокойством спросил:

— Брат Хо, тебе полегчало?

Тот наконец поднял глаза, но тут же осёкся, уставившись в одну точку. Лицо его на мгновение окаменело, после чего он поспешно отвёл взор, сгорая от неловкости.

— Прости, брат Лю... Я повёл себя неподобающе.

«Что это он?..» — озадачился Лю Чжэньцин, заметив направление его взгляда.

Ах да, шея. Сам он рассмотреть ничего не мог, но мгновение назад Эрдгоу прижался губами именно туда — то ли прикусил, то ли лизнул. Кожа у нового тела Чжэньцина была нежной, бархатистой, как у холёного молодого господина, так что багровый след должен был проступить мгновенно.

Осознав это, Чжэньцин едва сдержал улыбку.

— О чём ты, брат Хо? Пустяки, обычное недоразумение. Главное, что ты цел и невредим.

Он говорил непринуждённо и легко, стараясь не загонять генерала в ещё больший тупик. Хо Фэнле, пытаясь совладать с собой, снова поднял взгляд и наткнулся на то, как Лю Чжэньцин небрежно коснулся шеи пальцами, мягко растирая то самое место, где алел свежий след от его зубов.

У молодого полководца уши мгновенно вспыхнули пунцовым пожаром, а тело вновь окаменело.

А Чжэньцин, пряча лукавые искорки в глазах, добавил:

— Всё это из-за яда, я ведь прекрасно понимаю. Не стану же я строить глупые догадки на твой счёт?

Генерал промолчал, окончательно лишившись дара речи. Лю Чжэньцин изо всех сил сжимал губы, чтобы не расхохотаться в голос.

К счастью для смущённого воина, несчастная девушка была слишком поглощена своим горем, чтобы замечать происходящее между ними. Спасительное избавление пришло в виде хриплого стона пострадавшего мужчины.

Окончательно придя в себя, чиновник вспомнил, что едва не совершил под воздействием зелья. От осознания позора у него перехватило дыхание, и по лицу, изрезанному глубокими морщинами, покатились горькие слёзы. Глядя на сжавшуюся в углу девушку, он хрипло запричитал, моля о прощении.

Дева не смела приблизиться, но отчаянно закивала головой:

— Господин префект, не нужно... Я знаю, вы честный человек. Это они пытались вас погубить. Моей вины тут не меньше — по глупости своей я сама угодила в эту яму.

С этими словами она снова разрыдалась.

«Префект?» — мысленно отметил Лю Чжэньцин, изогнув бровь.

Должность оказалась на ступень ниже, чем он предполагал. В своё время Чжэньцин прочил этому способному человеку место губернатора области.

Префект У, немного справившись с душившим его гневом и стыдом, присмотрелся к стоящим перед ним фигурам. Разглядев их в неверном лунном свете, он поспешно сложил руки в благодарственном приветствии. Разумеется, молодого господина Лю он не знал, но когда он перевёл взгляд на Хо Фэнле, глаза префекта расширились от изумления.

— Вы... Неужели вы... Великий генерал, защитник государства?!

Хо Фэнле сдержанно кивнул.

Старый префект задрожал от волнения, в его угасшем взоре вспыхнула безумная надежда:

— Неужели Его Величество наконец-то вспомнил о нас?.. Неужели пришёл спасти?!

Генерал нахмурился:

— Император не ведаёт о том, что здесь творится.

Префект У замер, а затем, бессильно смахнув слезы, горько усмехнулся:

— О, конечно... Откуда ему знать, если отсюда ни одна весть не доходит до столицы? Всех, кто пытался отправить правдивое послание, люди губернатора Вана сгноили в земле. До двора доходят лишь жалобы на бесконечные бедствия да бесконечные просьбы прислать серебро и зерно на прокорм голодающим.

«Губернатор Ван?» — задумался Лю Чжэньцин.

Среди тех уцелевших чиновников мелкой руки действительно числился некий Ван. Если это тот самый человек, то в карьерном росте он знатно обогнал префекта У. Да и жадность его, судя по всему, росла не по дням, а по часам. Зайти так далеко в своём обмане... Похоже, этот мерзавец возомнил себя полновластным царьком в Области Соляных Холмов, способным заслонить ладонью всё небо.

Хо Фэнле перешёл прямо к делу:

— Что замышляет губернатор Ван? Какая связь между ним и сектой Небесного покровительства?

Префект У вскинул голову, его голос сорвался на крик от переполнявшей его ненависти:

— Он крадёт казённые средства, присылаемые для спасения людей! А его сын заправляет этой проклятой сектой... Они переплавляют государственное серебро!

При этих словах лица Хо Фэнле и Лю Чжэньцина мгновенно посуровели.

Обычно чиновники не осмеливались присваивать казённое серебро целиком — воровали понемногу, на каждом уровне забирая свою долю, а остаток пускали на нужды пострадавших от бедствий. Ведь на государственном серебре всегда стояли клейма, пустить его в обиход без риска быть пойманным за руку было крайне сложно. Но если слитки переплавить, превратив официальный металл в безликое частное серебро, стерев все знаки отличия... Тогда можно безнаказанно присвоить любую сумму, отправленную из столицы.

Это означало, что они попросту бросили несчастных жителей на произвол судьбы, забирая себе всё до последнего медного гроша. Люди гибли тысячами, а заговорщики списывали эти ужасы на неизбежный гнев небес и требовали от императорского двора новых вливаний.

Какая неслыханная дерзость! Неужели они возомнили, что в столице перевелись достойные мужи, а юный правитель на троне слеп?

Из сбивчивого рассказа префекта У перед ними начала проступать жуткая правда о том, что творилось в Области Соляных Холмов в последние годы.

— В наших краях бедствия не прекращаются, — глухо заговорил старик. — Из года в год мы боролись за выживание бок о бок с простым людом. В хорошие времена перебивались, в плохие — земля покрывалась телами умерших от голода. После кончины великого канцлера Лю государь, взяв бразды правления в свои руки, усердно помогал нам: выделял огромные средства на укрепление плотин, борьбу с засухой, саранчой и зимней стужей. Первое время дела действительно пошли на лад. Но четыре года назад, получив повышение, Ван занял кресло губернатора области. Вскоре он породнился с военным воеводой, который держит в руках всю местную стражу. И с тех пор всё покатилося в бездну.

При упоминании воеводы Хо Фэнле нахмурился ещё сильнее. Слияние гражданской и военной власти — вот почему эти твари чувствовали себя абсолютно безнаказанными.

— Губернатор Ван позволил своему сыну основать секту Небесного покровительства, — продолжал префект У. — Поначалу они крали понемногу, а саму общину окутывали покровом тайны. У людей оставалась хоть какая-то надежда. Мой округ лежит далеко отсюда, вести доходили смутно. Но два года назад секта разрослась до невероятных масштабов. Присылаемые нам крохи провизии начали таять на глазах. Заподозрив неладное, я и несколько преданных долгу сотоварищей начали тайное расследование. Тогда-то нам и открылся весь масштаб этого чудовищного сговора.

Старик перевёл дыхание, в его глазах блеснули слезы бессильной ярости:

— Нам они сбрасывали жалкие остатки серебра, лишь бы мы молчали, а львиную долю забирали себе. Зерно раздавали только в городах вдоль главного тракта — чтобы проезжающие столичные проверяющие видели видимость сытой жизни. Остальное забирали прихвостни из секты и увозили в другие провинции, где перепродавали втридорога голодающим!

«Какое беспросветное, чистое зло», — мысленно содрогнулся Лю Чжэньцин. Даже в те времена, когда он железной рукой наводил порядок в империи, ему не приходилось сталкиваться с подобной низостью. Как же он упустил этого негодяя, когда вершил свой суд?

Услышав это, девица снова безутешно разрыдалась. Горькая правда открылась ей лишь здесь, в неволе. Оказалось, государь не оставлял свой народ — это местные стервятники пили кровь беззащитных людей, обрекая их на лютую смерть. А они, глупые, изо дня в день послушно преклоняли колени перед идолами секты!

— Всех сильных мужчин уводят в ущелье за горой, — всхлипывая, заговорила она. — Там стоят огромные плавильные печи, где несчастных заставляют работать без сна и отдыха. А молодых и пригожих девушек хватают для утех... Ублажать заезжих чинуш да богатых купцов. Многие

из моих подруг, лишившись чести, наложили на себя руки. Другие терпят этот ад лишь ради того, чтобы их голодающим семьям дали хоть горсть риса. Меня притащили сюда сегодня. Губернатор хотел заставить господина префекта замолчать и примкнуть к ним, ради этого нас опоили дурманом и заперли вместе... Звери! Какие же они звери!

Глядя на её бледное, заплаканное лицо и размышляя о трагедии этого края, Лю Чжэньцин со вздохом снял свой тёплый плащ и бережно накинул его на плечи девушки.

Та, совсем обессилев от рыданий, бессознательно прильнула к нему. Чжэньцин, который больше всего на свете не выносил женских слёз, принялся мягко гладить её по спине, тихо приговаривая:

— Ну-ну, не плачь. Всё позади. Ты ведь слышала? Сам великий генерал Хо здесь. Теперь вам ничто не угрожает, вас спасут.

С этими словами он поднял глаза на Хо Фэнле. Тот мрачно созерцал эту картину, его лицо потемнело от гнева — открывшаяся бездна порока и предательства явно глубоко задела прославленного воина.

Префект У решительно закивал:

— Да! Справедливость восторжествует! Значит, не напрасно я терпел все эти муки. Генерал Хо, у меня есть неопровержимые доказательства их вины. Этого хватит, чтобы отправить всю свору на плаху! Все эти годы одни из нас пытались пробиться с докладами в столицу, другие — собирали свитки и записи. Те, кто ушёл с докладом, сгинули в пути. Те, кто собирал сведения, либо поддались угрозам, когда их близких взяли в заложники, либо, подобно мне, оказались в застенках. Меня держат здесь только потому, что они не знают, где сокрыты бумаги, и пытаются сломить мою волю.

Лю Чжэньцин ещё до того, как старик заговорил, догадался, что у префекта припрятан весомый козырь. Иначе прихвостни губернатора давно бы избавились от него, а не возились, пытаясь склонить к соучастию.

Префект У проявил крайнюю осторожность. Поманив Хо Фэнле поближе, он шёпотом поведал ему тайну. Выслушав старика, генерал согласно кивнул и твёрдо произнёс:

— Ждите здесь. Мы скоро вернёмся. И пока нас не будет, запишите имена всех причастных чиновников, кого сможете вспомнить.

— О заговорщиках среди гражданских можете не беспокоиться, — торопливо отозвался префект. — Этот список уже лежит среди спрятанных бумаг.

— Тогда запишите имена военных командиров, подчиняющихся воеводе. Всех до единого.

Старый чиновник поспешно закивал, принимая приказ.

Немного подумав, Лю Чжэньцин предложил:

— Вам лучше вернуться в прежнюю комнату.

При этих словах все трое вздрогнули от ужаса.

— Послушайте, — мягко пояснил Чжэньцин. — Если стражники решат проверить пленников и не найдут вас на месте, поднимется тревога. Если же вы будете там, где вам положено быть, то спокойно продержитесь до самого рассвета. Это даст нам необходимое время для действий. И не бойтесь дурмана — мы уберём жаровню с ядовитым зельем.

Когда Лю Чжэньцин направился в соседние покои, Хо Фэнле молча последовал за ним, не отпуская ни на шаг. На самом деле Чжэньцин прекрасно знал свойства этого зелья: стоило лишь задержать дыхание, и вреда не будет. Он быстро залил тлеющие угли водой, и едкий дым послушно рассеялся. Чжэньцин шутливо кивнул генералу, предлагая тому опробовать воздух первым, словно подопытному кролику.

Хо Фэнле на мгновение заколебался, но, заметив, что Чжэньцин уже начал синеть от нехватки воздуха, осторожно вдохнул. Убедившись, что дурман выветрился, он подал знак спутнику.

Лю Чжэньцин с облегчением вдохнул и, широко улыбнувшись, поспешил сочинить оправдание:

— Как-то раз я видел, как мои двоюродные братья баловались подобной отравой, вот и запомнил, как её тушить. Только не подумай ничего дурного, сам я к этим гнусностям никогда не прикасался!

Разумеется, он не мог признаться, что просто глубоко разбирается в лекарском искусстве.

Хо Фэнле расспрашивать не стал. Помог пленникам вернуться в комнату, оставил приоткрытым потолочный люк для притока свежего воздуха, а затем подхватил Лю Чжэньцина на руки, взмыл вверх и надёжно запер засов снаружи.

Оказавшись на скате крыши под порывами ночного ветра, генерал вдруг тихо спросил:

— Тебе не холодно?

С чего бы вдруг такая забота? Впрочем, стоило Хо Фэнле спросить, как Чжэньцин действительно почувствовал озноб. Наверху гулял сквозняк, а свой плащ он отдал девушке. С другой стороны, крепкие объятия генерала так надёжно укрывали его, что в местах соприкосновения тел разливалось приятное тепло.

Язык Лю Чжэньцина, как обычно, сработал быстрее разума:

— Ничуть. Генерал Хо у нас мастер воинских искусств, кровь так и бурлит в жилах — от тебя так и пышет жаром. Как тут замёрзнешь?

И снова его слова возымели мгновенный эффект: тело воина слегка напряглось, и он замолчал, явно не зная, что ответить на подобную дерзость. Лю Чжэньцин мысленно ухмыльнулся. Всё-таки дразнить повзрослевшего Эрдгоу было куда забавнее, чем в детстве.

Понимая, что испытывать терпение генерала бесконечно не стоит, Чжэньцин перешёл к делу:

— Так бумаги спрятаны прямо здесь?

Хо Фэнле кивнул. Теперь стало ясно, почему они не поспешили сразу спуститься с горы за подкреплением. Сначала требовалось забрать доказательства, иначе в суматохе штурма бесценные свитки могли сгореть или затеряться.

— Старик разделил их на три части, — негромко проговорил генерал, увлекая его за собой по черепице. — Первую он спрятал под самым потолком главного зала, прямо на несущей балке. Когда его подвесили для допроса и оставили одного, он ухитрился взобраться по верёвке и укрыть сверток. Вторую часть он засунул под раму ширмы в покоях, где во время визитов останавливается губернатор Ван — старик сделал это, когда тот допрашивал его с глазу на глаз. Третья же часть сокрыта в расщелине скалы возле плавильных печей в ущелье.

Лю Чжэньцин нахмурился:

— Несчастливого таскали к печам, чтобы запугать?

— Нет. Ему хотели показать, сколько богатства он получит, если согласится сотрудничать.

Чжэньцин тихо и горько усмехнулся:

— Поистине, муж безупречной добродетели, которого не согнуть силой и не прельстить златом. К тому же — невероятно удачливый. Спрятать бумаги в таких местах и не попасться... Губернатор Ван, верно, всю голову сломал, но так и не додумался, что этот безумец носил все доказательства при себе и растыкал их по углам в самом сердце его логова. Ну и дела. Куда направимся в первую очередь?

— Сначала проберёмся в главный зал, — отозвался Хо Фэнле, ведя его за собой. — Покои Вана охраняются его личными телохранителями, и точное их расположение известно лишь его сыну. Что же касается ущелья, то там работа затихает лишь глубокой ночью, всего на одну стражу. Только тогда мы сможем проскользнуть к печам.

За разговором они бесшумно подобрались к крыше главного зала усадьбы. Снизу доносились весёлый смех, звон кубков и звуки лютни. Это буйное веселье разительно отличалось от гробового молчания вымершего города у подножия горы. Истинное воплощение древней мудрости: за красными воротами богачей гниют вино и мясо, а на дорогах замерзают насмерть несчастные бедняки.

Осторожно сдвинув одну из черепиц, Хо Фэнле заглянул в образовавшуюся щель. По мере того как он разглядывал пиршество внизу, его лицо становилось всё более суровым. Но вдруг в его глазах блеснул огонёк.

— Вижу.

— Неужели? — шёпотом удивился Лю Чжэньцин.

Генерал слегка отстранился, уступая ему место:

— Третья балка в юго-восточном углу.

Приникнув к щели, Чжэньцин внимательно присмотрелся. Действительно, в самом неприметном стыке несущих перекрытий покоился небольшой, покрытый вековой пылью бумажный свёрток. Заметить его снизу было решительно невозможно.

Однако, лишь мельком взглянув на тайник, Лю Чжэньцин невольно засмотрелся на происходящее в самом зале.

Там рекой лилось вино, гремели кубки, велись хвастливые речи. Гости — среди которых угадывались и важные чины, и богатые купцы — бесстыдно обнимали полуодетых девиц. На почётном месте восседал сам глава секты — обрюзгший, лоснящийся мужчина лет тридцати с небольшим, буквально облепленный наложницами. В центре залы под переливы струн кружились в соблазнительном танце танцовщицы в полупрозрачных белых шелках. Столы ломились от яств: порции были столь огромны, что одним блюдом можно было досыта накормить пятерых. Безумная, кричащая роскошь на костях умирающих от голода.

Лицо Лю Чжэньцина мгновенно заледенело, а в глазах вспыхнул опасный огонёк. Но стоило ему приглядеться к пирующим чуть внимательнее, как среди пёстрой толпы мелькнул силуэт, показавшийся ему до боли знакомым.